

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

МИЛИЙ
БАЛАКИРЕВ

Солидный декабрьский морозец упрягал лица прохожих в воротники и меховые шапки. Дрожжи, поскрипывая, плавно катились по Невскому. Вдалеке искрился на солнце шпиль Адмиралтейства. Балакирев всматривался в черты столичного города, столь не похожего ни на Нижний Новгород — его родину, ни на Москву и Казань, где он обучался музыке. Но Петербург, словно ему было абсолютно все равно, кто въезжает в его историю на дрожжах, казался урюмым и безлюдным.

В столицу Балакирева привез его земляк, музыкант-любитель А. Д. Улыбышев, взяв на себя все путевые расходы. В течение одного месяца юный композитор успел устроиться преподавателем музыки и выступить на концерте в зале кронштадтского коммерческого собрания. За это же время он приобрел новых друзей и последователей. И каких! В канун 1856 года Балакирев был приглашен на елку к самому М. И. Глинке. Здесь он встретился с А. С. Даргомыжским. В это же время его представили А. И. Серову, а чуть позднее — Цезарю Кюи.

Казалось бы, никаких особенных событий в музыкальной жизни Петербурга не произошло. Но вот что пишет В. В. Стасов в знаменитом историческом обзоре «Двадцать пять лет русского искусства»: «С 1855 года начинается новый фазис русской музыки. В Петербург приезжает из Нижнего Новгорода восемнадцатилетний юноша, которому суждено было играть необычайно крупную роль в судьбах нашего искусства. Это был Балакирев...».

Он в самом деле поражал всех с первой минуты. Блеском искрящихся глаз и напористой энергией в ведении беседы, обширными познаниями в самых разнообразных культурных сферах и неукротимым желанием что-то сразу, здесь же кроить, создавать, строить, наконец, своими собственными свежими сочинениями и переложениями из глинковских опер. Его просили играть, и он никогда не отказывал. Глинка у себя в доме сделал его выступления правилом, и Балакирев «всякий раз по приходе должен был сыграть свою фантазию».

У Глинки за фортепиано садились многие. Играли и в четыре руки, и даже в восемь. Боготворение хозяина и учителя было неписаной заповедью, слушались его с первого слова и звука. Но ершистый юный нижегородец, и месяца еще не пробыв в Петербурге, позволял себе то, о чем близкие друзья автора «Арагонской хоты» не могли и помыслить «Как... ни сыграешь, все не по нем... Вообще на Глинку трудно было угодить», — ворчал этот провинциал. Ну а чем дальше, тем больше. «У нас с ним завязался маленький спор. — рассказывал Балакирев. — Я уверял, что в интродукции есть одно место, где флейты не слышно, и что не нужно ли ее поэтому как-нибудь усилить, Глинка же доказывал, что не может быть этого... Так ничем и кончили мы этот спор... Не хотел ведь со мной согласиться Глинка, а был не прав...»

Глинка — не прав? Ай да дерзкий молодой человек! Уже с этих дней он приобретал не только взаимопонимание, но и отчуждение, не только друзей, но и врагов. Но не таков был Глинка, чтобы не оценить заносчивого пианиста по достоинству. Всего два-три месяца общались они перед последним отъездом сегоднего учителя за границу в апреле 1856 года. И уже через год Балакирев в Кронштадте будет встречать тело Глинки, при-

везенное на пароходе из Берлина, и срыгать цветы у его могилы в Александро-Невской лавре. А тогда, отправляясь в дорогу, Глинка скажет своей сестре: «Ежели умру, то дай мне слово, что никому не позволишь; кроме Балакирева, начать и окончить ее музыкальное образование (имеется в виду Оля, любимая племянница Глинки. — К. К.); в первом Балакиреве я нашел взгляды, так близко подходящие к моим во всем, что касается музыки... И я тебе скажу, что со временем он будет второй Глинка...»

Вокруг Балакирева собирается передовая, критически настроенная творческая молодежь.

Так постепенно складывался тесный, сплоченный круг, определившийся позднее как знаменитая «Могучая кучка».

Все, что было создано «кучкистами», уже вошло в историю отечественной культуры. Особой важности дело — Бесплатная музыкальная школа, во главе которой сразу же встал Милий Балакирев. Впервые в России появилось учебное заведение, где получить музыкальное образование мог любой желающий. Средств было мало, а иногда и не было вовсе. Занимались по воскресеньям. Приходили студенты, фельдшеры, рабочие и даже уличные мальчишки. Ценою невероятных усилий был организован большой и хорошо подготовленный хор. Начались знаменитые концерты, на которых зазвучала и симфоническая музыка.

Балакирев всегда пытался понять смысл «русской идеи» в ее сути, в ее корне. Для этого объездил Поволжье в поисках народного фольклора, а затем издал знаменитый «Сборник русских песен», продолжая дело, начатое еще Н. А. Львовым. Поиски национальных черт в музыке трижды приводили его и на Кавказ — в Грузию, любовь к которой сопровождала всю его последующую жизнь.

Были еще и триумфальные поездки в Прагу и Варшаву с симфоническим оркестром. А потом — снова русская песенная струя. Он окунается в нее, разливает поток ее мелодики по ведомым ему одному колбам и мензуркам, взвешивает, анализирует, ищет... Но конца задуманному все не было видно. Тяжкий груд взят был на плечи. Тяжкий и непонятный окружающим. Балакирев порой бывал настолько субъективен в творчестве, что друзья, восторгаясь, недоумевали: принимать ли вычлененное им за аксиому национального в музыке или же признать Балакирева гениальным интерпретатором? Результат, видимо, был ведом ему одному. Он шел к нему долго и суетливо.

Милий Алексеевич Балакирев, со дня рождения которого минуло 150 лет, в жизни больше импровизировал, чем фиксировал. Множество «удивительных по талантливости эскизов, к сожалению, оставшихся даже не записанными», запечатлевались лишь в памяти тех, кто их слышал. Некоторые из них, как, например, неосуществленная опера «Жар-птица», могли бы раскрыть загадку Балакирева, показать нам всю глубину его таланта. Таланта, отчасти сохраненного в оставшемся нам наследии, но, видимо, так, как доходят до нас остатки древних храмов — осколочно, разрозненно, полустерто...

Балакирев прожил великую жизнь. Бок о бок с великими людьми эпохи. Величие его духа требует еще более полнокровного осознания нашими современниками...

Константин КОВАЛЕВ

